

...И немножко Бертольда Брехта

Игорь Гергенрёдер

Мне написали, и я привожу написанное, опустив имя, которое автор письма упоминает. Всё остальное – без изменений.

«Добрый день, Игорь! Последняя Ваша публикация в "Литературном европейце" за 112, вызывает мягко говоря недоумение. Скажите Игорь, это действительно Ваше убеждение, или это желание поддержать общее направление журнала? Понимаю ... : пишет он и учит всех не от большого ума, но Вам то это зачем? Вы известный писатель и не лучше ли заниматься своим ремеслом, тем более что у Вас это так хорошо получается. Пока читал Вашего "Смердякова" хотелось задать Вам десятка два вопросов, но так как убежден: в спорах не рождается истина, передумал. И задам, если позволите, один: скажите Игорь я никак не могу понять, какое всем дело до того, что происходит в России? И почему все так обслюнявились любовью к "фатерланду"? Или Вы считаете, что здесь все замечательно? Не думаю, что Вы так слепы и не видите, не ощущаете на себе и своих близких политических процессов, особенно связанных с переселенцами. Любить, как равно и ненавидеть Россию, легче издалека, только ей наша с Вами любовь и ненависть - до фонаря, до лампочки. А вот то, что происходит здесь с теми, на кого и рассчитана русскоязычная пресса, так до сегодняшнего дня и не отражена в литературе своей действительности. Это ли не тема для Вашего таланта? Извините, что напоминаю Вам банальности, но задача писателя: описывать жизнь, а не пытаться влиять на нее посредством печатных политических самоанализов и прогнозов. Успехов Вам творческих и всех благ земных! С Уважением, С. Миллер»

Читаешь это письмо, думая: в который раз снова о том же? Правда, по большей части, вопросы мне задавали не письменно, а устно (причём, главным образом, по телефону), и не говорили: «какое всем дело...» Обращались чуть иначе: «Какое вам дело до того, что происходит в России?» Я отдаю должное любезности автора письма и перехожу на обращение к нему (к Вам) лично, отвечая и всем тем, у кого имеется ко мне названный вопрос.

Извините за напоминание о банальности: мы живём в эпоху Интернета. Я сотрудничаю с международными организациями, которые выступают в защиту страдающих от власти, где бы власть ни творила преступления. Под документами, её обличающими, стоит и моя подпись. Таким образом, мне есть дело и до того, что происходит в Венесуэле при Уго Чавесе. Тут место для дискуссии о чувстве солидарности, о том, как и почему оно побуждает объединяться людей разных национальностей и цвета кожи... Заклучим это в скобки и продолжим о России, к которой у меня особенное внимание. По каким причинам?

Так вышло, что я родился российским немцем в Оренбургской области РСФСР. Родители, воспитывая меня, считали первостепенно важным вопрос о смысле жизни. Меня учили задумываться: зачем мне дана жизнь? Узнавая, от

кого я веду род, в какой среде, в каком государстве жили мои предки, я думал об окружавшем меня и о фразе «нас выселили...» То, как понимали окружающее родители, не совпадало с тем, что я слышал в школе и по радио, видел в кино. Надо было уметь держать язык за зубами. Между тем требовали раздумий новые и новые вопросы. К примеру, почему на моей «малой родине», в густонаселённой Оренбургской области, взорвали атомную бомбу (14 сентября 1954), испытав её на животных, солдатах и местных жителях, включая детей?..

Откуда пошёл счёт преступлениям государства, в котором я жил? В семнадцатом году на выборах в Учредительное собрание большевики набрали только 24 процента голосов, то есть Россия не захотела отдать власть коммунистам. Если бы не Октябрьское преступление (переворот), Учредительное собрание дало бы жизнь Демократической России. Мой отец пятнадцатилетним гимназистом, вслед за старшими братьями, вступил в Народную Армию КомУча и был дважды ранен, воюя за Учредительное собрание. Мой дядя Павел погиб на той войне. И я помню о нём, когда пишу о преступлениях сегодняшней российской власти. Выражаясь банально, чту семейную традицию.

Мой дед Филипп Андреевич Гергенредер за службу в земстве был 25 мая 1913 года награждён именной медалью, увенчанной Российской короной. На медали выгравировано: «Ф.А.Гергенредеръ». У меня не получается глядеть на медаль без мысли о том, что делается в России.

Дед мой по линии матери Яков Лукианович Вебер, вступивший в Донское войско, которое воевало против красных, тоже был не последним среди подданных Российской короны. Его отец Лукиан Иванович Вебер основал хлеботорговую компанию «Вебер и сыновья», которой принадлежали паровые мельницы, пять тысяч десятин земли недалеко от станицы Михайловки, а также конный завод и другая собственность. Моего прадеда красные расстреляли. Моей бабушке Амалии Андреевне Вебер оставили одну комнату в её двухэтажном доме, который, возможно, и сегодня стоит в центре Камышина над Волгой (в 70-е годы дом был цел, часть его занимала почта).

Моей матери из-за её социального происхождения не дали права на высшее образование, и ей пришлось окончить только школу второй ступени и бухгалтерские курсы. Ограбленная коммунистами, она, однако, говорила: у них есть оправдание, от которого нельзя отмахнуться, – идея социальной справедливости. Почему одни обладали богатством и могли роскошествовать, когда множество других прозябало в нищете?

При коммунистах обречёнными на бедность, если не на голодную смерть, оказалось гораздо больше людей. Касалось это, понятно, не всех, но бахвалиться богатством не мог никто.

Если говорить о национальной политике коммунистов, то их властью была образована Автономная республика Немцев Поволжья. Как известно, её ликвидировали Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В указе было сказано, будто поволжские немцы укрывают «тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы...» (вон ещё когда взрывы были слабостью компетентных органов). Осенью сорок первого Государственный Комитет Обороны издал

несколько постановлений о депортации немцев и из других регионов. Имущество выселяемых, а многие имели свои дома, скот, конфисковывалось; взять с собой разрешалось лишь то, что унесёшь в руках. Как и остальные немцы, лишились нажитого и мои родители. Они оказались в трудармейском лагере.

26 ноября 1948 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Указ гласил: «В целях обеспечения режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства. За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ».

Указ вызывает у меня чувство солидарности с людьми названных национальностей, мы объединены одной судьбой. И потому мне не может не быть дела до судьбы чеченцев и других народов в России.

Не забывая этого, поговорим об ограблении и долгах. Коснусь Указа от 13 декабря 1955 года «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спец поселении». Мои родители и я были освобождены из-под административного надзора МВД, но в указе содержалось ещё кое-что: «Установить, что снятие с немцев ограничений по специальному поселению не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении».

29 августа 1964 года был издан Указ «О внесении изменений в Указ Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Обращаясь к факту, что «в отношении больших групп немцев – советских граждан были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам», законодательный орган признал: «Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина». Из этого следовало решение: «Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года (...) в части, содержащей огульные обвинения в отношении немецкого населения, проживавшего в районах Поволжья, отменить».

Однако, «отменив обвинения», законодательная власть не исправила того, чему они послужили. Республика немцев восстановлена не была, о возврате конфискованного или о выплате компенсации – никакого помину. То есть власть лишь призналась, что масса людей была оклеветана, оболгана и на основании этой лжи лишена своего государственного образования, ограблена и выселена.

Прошли годы, много чего изменилось, и во времена гласности, в пору демократии Ельцин заявил: Автономная республика Немцев Поволжья будет восстановлена. Не знаю, помнит ли кто-то об этом? И о том, что конфискованное

можно было бы возместить. Ведь хватило же общегосударственной собственности на новоявленную элиту, и она наезжает и в мой фатерланд, бахвалится украденными деньгами, устраивая здесь будущее для себя. Вы же при этом (обращаясь к автору письма) советуете мне не интересоваться тем, что происходит в России.

Когда я просил Германию принять меня с семьёй и заполнял соответствующий формуляр, в нём встретился вопрос: какой собственности лишились мои предки в России? Я указал основное.

Российское государство дважды в долгу передо мной: как перед представителем моего рода и моей нации. Это даёт мне полное и, надеюсь, всем понятное право писать о России.

В Германию мы уезжали из Кишинёва: живя там, я критиковал установленный в Молдове режим. Коммунистическая номенклатура, перекусившись, раздувала национализм, устраивая многотысячные митинги и шествия. Националисты поднимали плакаты: «Молдова для молдаван!», «Русские – чемодан, вокзал, Россия!» Фашиствующие молодчики безнаказанно разгромили редакцию русскоязычной газеты «Молодёжь Молдавии», залили помещение бензином и выжгли. В Кишинёве избивали журналистов, избивали приезжавших депутатов от Левобережья Днестра. Они перестали приезжать, Левобережье отделилось, образовав Приднестровскую Молдавскую республику. Я передавал туда статьи с критикой режима, в чьей власти находился, и статьи печатались под моей фамилией. Это продолжалось и во время войны летом 1992 года, в которой обе стороны потеряли более тысячи человек убитыми. Когда Национал-христианская партия Молдовы во всех СМИ предложила возвести в Кишинёве памятник фашистскому диктатору Румынии Антонеску, виновному в умерщвлении сотен тысяч евреев, и назвать его именем центральные улицу и площадь, я выступил с протестом против этого кощунства. Протест опубликовало в республике лишь одно издание – газета евреев Молдовы и Одессы «Наш голос».

О цене моих публикаций распространяться не буду. Спасли меня, мою семью международная кампания защиты и фатерланд (я не беру это слово в кавычки, как Вы). Что до происходящих в Германии политических (вернее, социально-политических) процессов, то я ощущаю на себе их последствия, но чего-либо направленного именно против переселенцев ни мне, ни моим близким ощутить не довелось.

Вы совершенно правы, говоря, что происходящее с нами, переехавшими в Германию людьми, заслуживает внимания. Но ведь я и описал кое-что в повести «Тень и источник», не так давно опубликованной в «Литературном европейце». Если же кто-то недоволен здешней жизнью и тоскует по России более, чем некоторые мои герои, то что мешает туда уехать? Благо, известна президентская программа приёма. И когда человека в России встретят так, как встретят, и дадут ему то, что дадут, вот тогда пусть он и скажет: «И почему все так облюбовались любовью к «фатерланду»?»

«Любить, как равно и ненавидеть Россию, легче издалека», – пишете Вы. Если имеются в виду материальная обеспеченность и безопасность, то какие могут быть возражения? Заниматься творчеством вообще, знаете, легче не в нужде и при свободе. Ощущая это на себе, я написал повести о любви к России,

которая вела молодых людей на борьбу за Учредительное собрание. Российская критика вполне оценила повести, меня не упрекнули в том, что я написал их, живя далеко.

Далеко ли я и насколько от России несогласных? В любом случае расстояние не мешает этой Россией восхищаться. Она борется против власти, которая убивает беззащитных, как убила Анну Политковскую, Ивана Сафронова и других. Как ни далеко застенки, где заперты Михаил Ходорковский, Платон Лебедев, Светлана Бахмина, Михаил Трепашкин, Борис Стомахин, Зара Муртазалиева, Валентин Данилов, Игорь Сутягин, Григорий Пасько и ещё многие политзаключённые, меня волнует их судьба.

Мне могут заметить: я-де только что говорил о пресловутой элите, а ведь и Михаил Ходорковский однажды и вдруг стал очень небедным человеком. Стал. Но он занялся благотворительностью, начал из детей-сирот растить талантливых специалистов, культурных людей для страны. И при этом независимо держался в Кремле. Там подумали о будущем и в назидание другим учинили расправу над Михаилом Ходорковским, спустив команду юстиции. Год за годом власти, исполняя пожелание Путина и демонстрируя произвол, насмехаясь над законом, стремятся принудить Михаила Ходорковского к мольбам о пощаде вроде тех, с какими обращались к Сталину подсудимые на знаменитых гадких процессах. Путину страстно желается почувствовать себя Сталиным, но Михаил Ходорковский уважает себя.

Мужество политзаключённых заставляет самых разных людей в мире помнить о России мучеников. И размышлять о режиме террора, посылающем убийц и за границу. В Дохе, столице Катара, 13 февраля 2004 года от взрыва автомобиля погиб Зелимхан Яндарбиев и получил ранения его сын-подросток. Российские агенты Белашков и Богачев были пойманы с поличным, катарский суд признал их виновными по всем пунктам обвинения и приговорил к пожизненному заключению. Российские власти потребовали их выдачи с тем, чтобы они отбывали наказание в России. Там их встретили с почётом как героев.

Об убийстве Александра Литвиненко я высказался не один раз. Напомню только, что заражающие следы полония-210 оказались и в Германии. Потому я, находясь в безопасности (в той, в какой был в Лондоне Александр Литвиненко), тем более считаю себя обязанным писать о стране, откуда полониевые следы тянутся в мой фатерланд. Замечу: мои знакомые коренные немцы не обходят тему молчанием. Будучи членом клуба, созданного поклонниками разнообразных культур, я вижу и возросший интерес к политике. Мои выступления в клубе регулярны; из рефератов затем получают физиологические очерки, об одном из которых Вы мне написали.

Кому мои работы до фонаря, кому – нет? (О неких госслужащих РФ умолчим). Ну а вообще Вы же назвали меня известным писателем – так пусть те, кому я известен, знают и о моём отношении к делам российской власти... Очерки расходятся по сайтам. В России у меня есть читатели-друзья.

Уточним насчёт той России, которой, как Вы пишете, «наша с Вами любовь и ненависть – до фонаря». Если подразумевается большинство населения, то ему многое было и будет и до фонаря, и до лампочки, и до чего другого. Оно, может статься, нечасто перечитывает даже Батюшкова.

А мы с Вами возьмём да поговорим о Бертольде Брехте. У него есть вещь под названием «Если бы акулы были людьми». Будь акулы людьми, они, поделив полчища рыбок, взяли бы их под контроль и управление. Рыбкам внушалось бы (вспомним знакомые средства воспитания, пропаганды), что их акула – самая лучшая! и какая честь – быть съеденной ею! Вообразите, каким акулослушанием и патриотизмом напиталась бы рыбка. И очутись она вне владений акулы, сменись акула, – в рыбке сохранялось бы её задушевное. Её возмущало бы, если бы кто-то критиковал порядки в родных ей владениях и их хозяйку-акулу. Рыбка восторгалась бы акулой. И нисколько не сочувствовала бы съдаемым рыбкам.

...Я благодарю Вас за повод объясниться. Желая Вам, как и Вы мне, всех благ земных!

С дружеским приветом, И.Г.

См. мои работы: «Смердячок и простецы», «Смердячок против Смердякова», «Смердячок – имя ласкательное», а также повесть «Тень и источник»:
http://www.belousenko.com/books/Hergenroether/hergenroether_putin.htm